

Михаил Владимирович Телегин,

доцент МГППУ, руководитель сектора «Философия для детей»,
автор программы «Воспитательный диалог»

ЗАРАЗИТЕЛЬНЫЙ, ВЕСЁЛЫЙ, ЗВОНКИЙ... СМЕХ РЕБЁНКА

*Когда одолеет печаль
И стынь подкрадётся к сердцу...
Я устремляюсь в волшебную даль,
В мой мир под названием «Детство».*

Смотрю внутрь, вглядываюсь в детство

Здравствуй, детство моё, заревое, румяное, стоцветное, сладчайшее, пряное... Здравствуй, детство моё, золотое... Иду к тебе, повзрослевший мечтатель-ребёнок, с поседевшей уже головой.

Всё проходит, всё. От времени некуда деться. Память, товарищ память, перенеси меня в детство. Туда, где человек — одно большое сердце.

Память у ребёнка — образная (эйдическая), на детали-подробности щедрая. Возникнет вдруг из зыбкого марева картинка, да всё чётче, яснее, контрастнее. Столб света, пылиночки, зеркало, а в нём я, хочю над чем-то. Над собою? Глаза лукавые. «Шалун», «проказник», «шкода» — иначе и не называли. А уж смешливым-то был. Залетит в рот смешинка, и пошла хохотать губерния. Всех водоворот смеха затаянет: родителей, бабушек-дедушек, сестрицу, друзей.

Моментальный снимок. Я лезу по металлической лестнице, к деду (тот уже под самой крышей, у самого неба). Дед оборачивается, видит... «Минечка, только руки не отпускай». Губы дрожат, взрослый, а так испугался. Смешно. Страшно. Страшно смешно. И мне, и деду.

Пионерский горн с алым вымпелом в моих руках. На горне — солнце. Я раздуваю щёки (раздувать щёки, казаться — самое главное сейчас искусство, тогда я об этом и не догадывался), и краем глаза свои шарообразные щёки (на молочке и маслице коровьем взро-

щенные) наблюдаю. Чудно! Я ещё поддаю жару. И вдруг звук такой комичный-неприличный из горна извлекаю. Умора, да и только.

«Была жара, жара плыла». Обнаруживаю бабушкину косметику (бабушка — директор пионерского лагеря, я трёхлетний внучек при бабушке). Перемазался нещадно. Входит директор и «другие официальные лица». Застукали. Перед тем, как напододали, было весело...

Спасибо, память... Вот я и дома. Разом слетает «рыночной» жизни дрёма. С пробуждением! «Мороз и солнце, день чудесный».

Почему смеются дети

Смейтесь, как дети. Обезоруживающе. Неудержимо. Непосредственно. До слёз. На смеющегося ребёнка глядячи, кто не умилится, кто сердцем не отгадет?

Почему же дети ТАК смеются, а мы ТАК смеяться не можем?

«Знания умножают скорбь». «Многая знания — многая печали». Взрослые уже в середине или в конце пути. А дети — в самом начале. Ребёнок — фейерверк, летящий вверх. А взрослый, как не цеплялся за карниз, не удержался-обломался, падает вниз. Ребёнок — на восход. А взрослый — на закат. Дети — веселятся. А взрослые — ворчат.

Ребёнок весь — радостная круговерть, ярких впечатлений взвесь. И так текучим увлекается, что самозабвенно моменту отдаётся, забывается. В наличном без остатка, как сахар в кипятке, растворяется. И жизнь ребёнка сладка! А когда сладким питаешься — невольно улыбаешься.

Один шестилетний мальчик придумал замечательную метафору, измыслил звонкий «умный образ». «Счастье — похоже на люстру, которая в большой комнате висит, чешскую. Когда её включают, то повсюду такие искорки. Всё играет, светится, всё волшебное, и тебе становится хорошо».

Помню, в детстве, я любил прищуриваться и на звёзды смотреть. Лежишь себе на санках и ловишь сияние далёких звёзд. «Звёздочки ясные, звёздочки тесные».

Буратино азбуку открывает. Чарующая музыка, блики, «зайчики».

Снег искрится на солнце. Или глаза искрятся...

«Смех без причины — признак дурачины». Ну нет, господа взрослые, не скажите. С наше (года три-четыре-пять), поживите...

Вот тогда-то спесь с вас точно сойдёт. Вы заходите в детство, погреться, хотя бы на Новый год. И ничто тебя не гнетёт!

«Планетишка наша для веселья слабо оборудована». Ну нет, господа взрослые, не скажите. С наше (года три-четыре-пять) поживите...

Тогда и поймёте, что зла и проблем — нет. Не верите, — съешьте конфет.

Смейтесь «просто так», от души. Вы, взрослые, напрочь забыли про душу. Вот и разучились смеяться. Где уж тут, — жаба душит.

А детям хоть пальчик покажи — они смеются от души.

И ещё — долой «профессиональных юмористов». Их юмор грязный какой-то. А детский юмор — чистый. У юмористов — низкий, а у детей — высокий. У детей ласкает душу — как трава-мурава. А у юмористов — «жжёт», как осока.

А теперь — главное. Дети не знают о смерти. А коль знают — не верят, что их коснётся смерть, что до их близких дотянется смерть своею костлявой рукою. Дети отказывают смерти в онтологическом статусе. Не признают её серьёзности, неотвратимости, тщеты всего. Дети ещё не успели забыть, что смерти нет! Платон с Сократом подтвердят. Дети верят в жизнь! И поэтому они ТАК смеются!

Почему смеются дети: говорят психологи, мы комментируем

Чудо это — детский смех — расчудесное. Чудо необъяснимое, непостижимое, неразгаданное. Только об этом никому, молчок. А то над нами психологи смеяться будут. Они-то, «конструкторы человеческих душ», тайну смеха детского давно превзошли-разгадали, смех в тенета понятий уловили, по полочкам разложили, по косточкам разобрали. Что ж, послушаем «профессионалов», попытаемся сложить разрозненные «компетенции» в мозаику и, чтобы не было скучно, прокомментируем.

«Чувство юмора, как и все другие высшие, собственно человеческие чувства, не является врождённым, формируется прижизненно, в процессе деятельности и общения, во взаимодействии со взрослыми и сверстниками».

Не знаю, наверно. Хотя сейчас уйма вполне серьёзных, научных работ посвящена поиску «гена смеха», изучению «генетической детерминированности чувства юмора». Поживём — увидим. Возвратимся к этому разговору через пару-другую столетий...

«На втором месяце при нормальном развитии ребёнка возникает комплекс оживления — совокупность положительных эмоциональных проявлений младенца при восприятии им радующих воздействий. В состав комплекса оживления входят улыбка, учащённое дыхание, блеск глаз, радостные вскрики, смех».

Комплекс оживления — не только реакция на близкого взрослого, на красочную игрушку, на мелодичный звук. Комплекс оживления — «инициативная акция, выполняющая функцию установления эмоционального контакта, общения ребёнка со взрослыми».

Мать авансом гримасу ребёнка принимает за улыбку. И отвечает на гримасу — улыбкой. Долг платежом красен, ребёнку приходится учиться улыбаться.

Мать встречает дитя улыбкой, дарит ребёнку улыбку, воркует, нежно прикасается. Ребёнок, подражая, отвечает тем же. Улыбаешься — и мать ласкает, холит, нежит. Раз за разом повторяясь, нехитрая связь (улыбка — ласка) улавливается ребёнком. Да, с помощью улыбки, как с помощью указательного жеста, можно, оказывается, матерью управлять. Улыбка — как послание, приглашение к любви. Здорово!

«До чувства юмора ещё необходимо дорасти. Маленький ребёнок воспринимает мир буквально, предельно конкретно. Смеётся зачастую по каким-либо весьма прозаичным, витальным, телесным причинам, например, когда щекотно».

Лишь по мере становления внутреннего плана действий, возникновения более или менее сложных представлений, наглядно-образного мышления появляется возможность своеобразной «игры образами», а их неожиданные, парадоксальные сочетания вызывают смех в полном смысле этого слова».

Действительно, сначала всё за «чистую монету» принимаешь. Подвоха не чувствуешь. «Идёт коза рогатая за малыши ребятами, забодаю, забодаю, забодаю». Сначала боишься. Пальцы-рога шевелятся, надвигаются. Только козу отбить изобразишься, руки поднимаешь... А она в мягкое, в незащищённое как метнётся, защекочет животик, зальётся родным бабушкиным, маминым смехом. И ты вместе с ней.

Действительно, юмор у детей, так же как и сознание, индуктивно, от частного — к общему развивается. Знаменитый французский психолог Анри Валлон говаривал: «Ребёнок ближе к реальности, и одновременно — дальше от неё».

Обсуждаем с шестилетками вопрос, кем лучше быть: ребёнком или взрослым. Я вроде как преимущества своего возраста отстаиваю, ребят подначиваю.

- Так вы говорите, взрослым лучше быть.
- Конечно.
- А представьте, за нами милиционер погнался.
- Допустим.
- Мы убегаем.
- Убегаем.
- А он не отстаёт
- Что дальше?
- А дальше — забор, из сетки-рабицы.
- Ну и что.
- Как это что? Не перелезешь.
- Не перелезешь...
- А в заборе дырка.
- Дырка.
- Ребёнок маленький, он в дырку проскочил.
- Проскочил.
- А вы застряли. Вас милиционер поймал. Так кем же лучше быть? Теперь хоть поняли?

Вся подготовительная группа надо мною смеётся. Эх, как меня их ровесник «подкузьмил»-«срезал», не в бровь, а в глаз, не оправдаешься.

Действительно, дети думают (сравнивают, абстрагируются, обобщают, по полочкам раскладывают, упорядочивают, движутся от хаоса к космосу) посредством образов разной степени сложности. Эти детские представления «тянутся к языку» — наиболее приспособленному, культурному орудию мысли. Слова связываются с картинками из памяти или воображения. Получается спонтанное, житейское понятие — основной материал мышления дошкольников и младших школьников.

В голове у ребёнка — атомный реактор, в голове у ребёнка — креативная комбинаторика, микс из представлений и слов, «генератор случайных чисел». И спорадически субъективный, мозговой лототрон «соединяет несоединимое». «Дети способны сделать всё что угодно из всего что угодно» (В. Шекспир). Иногда одно к другому уж очень смешно пришивается. Несовместимости срастаются.

Мой конёк, мой фирменный приём (действует безотказно) для преодоления дистанции с ребёнком — небывальщину сочинить. Может ли бабушка быть ученицей?

Два слова — «бабушка» и «ученик». И такие несопоставимые образы за теми словами. Диссонанс. Смех гарантирован.

Или в доме отдыха, услышав песню, дети её «досочинили», на свой манер переиначили. Получилось «Коробка с карандашами // Стёпа с большими ушами». Все по кругу «с большими ушами» побывали. И не надоедало.

Комната смеха, нарушенные пропорции, дисгармония, гипербола.

«Так, кто платки носовые на прогулку не взял? А нос свой вы в шкафчике не оставили?». А детишки эту почти гоголевскую коллизию дословно воображают, и им весело.

«Дети при их природном оптимизме высоко ценят проявления юмора в самых его простейших формах».

Праведник — прост и прозрачен. Злодей и путаник — сложен. Дети на дух не переносят фальши, надрыва, истерики... Губы надуют. Отвернутся.

Проще надо быть, естественней. К живым розе и соловью детские ручки потянутся. Искусственное, постмодернистское детскую душу не прельщает, отталкивает, отвращает.

«Неустребимая жажда смешного, свойственная детям, придаёт юмору огромную силу влияния. Взрослый, обладающий юмором, как правило, любим детьми уже за то, что «с ним весело». Юмор родителей чаще всего способствует развитию такого качества у детей. Но юмор можно развивать и чтением смешных рассказов, ролевыми играми».

«Прекрасным помощником выступает юмор в трудных случаях, когда ребёнок устал или у него что-то не получается, или он боится, или проявляет упрямство, или же преувеличенно оценивает себя при достижении некоторых успехов. Здесь прямое воздействие противопоказано, оно чаще всего лишь усугубляет ситуацию. Помогает юмор при неприятностях, неудачах справиться с унылым состоянием прежде всего самому ребёнку: у него не хватает сил, чтобы выйти самостоятельно из стресса; переключение его внимания на смешную сторону событий снимает заторможенность».

Хорошо о функциях юмора сказано. Готов подписаться под каждым словом. Уверен, что любой наблюдательный, здравомыслящий взрослый не раз лечился юмором от жизненных передрыг, спасался смехом от напастей и «будничных драм».

«Капитан, капитан, улыбнитесь, // Ведь улыбка — это флаг корабля...». «Уж ты сыт ли, не сыт, // В печаль не вдавайся; // Причешься, распахнись, // Шути-улыбайся!».

«Способность к тонкому юмору ребёнок приобретает не сразу. Его первые шаги в проявлении юмора не всегда сохраняют рамки дозволенного».

Поднаторели же эти психологи и педагоги в политкорректном выражении своих мыслей. Дети куда как резче, радикальнее.

Воспитатель в детском саду (причёску женщина сделала, платье новое надела): «Ребятки, а я красивая?». Дети: «Нет, у Вас морщинки, зуба одного не хватает, вы как «система жира», и не загорелая» (смеются). И ведь не со зла. Да, нарвёшься на такой комплимент, век не забудешь.

Или ещё, отходит ко сну в тихий час старшая группа. Раздеваются, ложатся. Вдруг один на другого глянул и давай по поводу нижнего белья друг друга высказываться. Там такой «модный приговор» вынесут, что лучше уж высшая мера.

Иногда удивляешься детскому такту, а порой возмущаешься детской бестактностью. А психологи и то, и другое одинаково легко объясняют: тактичны — отождествляют себя с другим, тонко чувствуют; бестактны — эгоцентристы, не могут себя поставить на место другого. Вот и разберись тут.

«В том случае, когда юмор становится самоцелью, когда ребёнок шутит ради самой шутки либо ради ожидаемого поощрения, возникает опасность зубоскальства — качества отнюдь не желательного, лишённого внутреннего содержания, духовности».

О, да. С духовностью — прямо беда. Какое уж тут содержание... Вместо смеха — лошадиное «ржание»!

«Встать на ту ступень, на которой стоит ребёнок, и повести его за собой, соизмеряя свои силы с силами дитяти» (В.Ф. Одоевский). Самая трудная, самая благодатная нива — родительства, учителя. «Сеять разумное, доброе, вечное». Суметь отделить зёрна от плевел, в частности, смех от зубоскальства, сатиру от ёрничанья. Каким же мудрым должен быть настоящий родитель! Слава мудрым родителям, учителям! На них мир держится.

«Человек вооружён и ограничен представлениями своей эпохи, своего времени. Чувство юмора — социальное чувство. Смех имеет, если угодно, культурно-историческую детерминированность».

«Скажи мне, над чем ты смеёшься, и я скажу кто ты».

Помню, в моём пионерском детстве смеялись над «единоличниками» и «жмотами». Тогда все из дому «куски» выносили, принято было угощать друг друга. Считалось особым шиком. Вдруг, откуда ни возьмись, наш друг с набитым ртом. Мы: «Дай откусить». Он: «Нету». Дальше, играем в «картошку». В середине оказался неподелившийся. Окучили. Удар мячом — сначала и не поняли, брызнуло в разные стороны: конфетки-бараночки из-за пазухи. Ох, и устроили тогда мальчишке «обструкцию».

А взрослые добрее, что ли, были. Футбольный матч во дворе. Принципиальный. «Мужики» за столом свой поединок устроили, азартно режут в домино. Один из нас, «футболист», сам себя перехитрил и, спасаясь от защитников, чтобы мяч не потерять, за «доминошниками» укрылся. Другие футболисты: «Дай пас». Форвард разбегаются, разбегаются, разбегаются... И как даст! Самому большому авторитету двора, Ивану Ивановичу, с фигурой былинного богатыря, по спине... У того аж костяшки из рук, слёзы из глаз... Мы оторопели... Конец, кролику — дворовому Пеле. А Иван Иванович, каков! Песня! «Рыба» — говорит. Тут мы все и прыснули. Ивана Ивановича нет, а мы его по сию пору чтим, за чувство юмора и за гуманизм!

А что сейчас? Только пьяный — смеётся. Трезвые — смурные все. Насупленные. Из-под бровей. С вызовом. С претензией на исключительность. С подспудным — «я тебя не дешевле». Друг перед дружкой «выделяемся», из «себя меня корёжим». «Общество спектакля».

Конкурентоспособность крепим. А конкуренту не улыбаются. «Если враг не сдаётся — его уничтожают». Вот и едим друг друга поедом. Сосредоточенно.

Сосредоточено, поскольку надо многое успеть. У каждого «программа» — у детей, у взрослых. Все загружены-перегружены, все искривлены. Все всё считают, наперёд расписывают. И чуть что не по их, когда на «жизнь отвлётся» — упущенная выгода. И всех-то это гонка утомила. И все мы измождённые, до ручки доведённые. У нас сил ни на что не хватает. С работы возвращаемся и тупо перед телевизором усаживаемся. И тут уже не до тонкого юмора, не до изящной сатиры. Даёшь, что попроще, поприметивнее, погорячее, ниже пояса. И вместо смеха — нечленораздельный гогот. Я физически от этого гогота (особенно, подросткового) страдаю.

Сколько их, сериалов с «гоготом»-подсказкой. Когда человек упал. Когда человека ударили. Когда оскорбили. Когда унизили. Когда

кто-то поступил по совести. Когда кто-то совершил подвиг. Гогот. Гогот. Гогот. И постепенно гогот лишает нас ценностного неба над головой, обкрадывает нас. Сотрясаясь в конвульсиях гогота Человек перестаёт быть собой, «оскотинивается».

И ещё, по той же теме. Увы, для нас всё меньше остаётся «заповедных», «сокровенных» уголков; всё меньше абсолютных, «вечных» истин, над которыми смеяться — кощунственно. «Добро и зло — всё стало тенью». (А.С. Пушкин). «Глумление ада в лицо небесам». Негодяи учат нас и наших детей смеяться-ёрничать над «неудачниками», над «слабыми» — над детьми, над стариками, над бомжами, над приезжими, над бедняками, над страждущими, над ищущими, над влюблёнными, над романтиками, над альтруистами, над Дон Кихотом, над верующими, над поколением победителей, над Родиной!

Не бывать тому! «Врёшь, не возьмёшь».

Ну-ка, бесы, сгиньте. «Петушок уже пропел», «солнце взойдёт!» Смеётся тот, кто смеётся последним. Будет и на нашей улице праздник!

Эмпирика детского смеха

Сердце просит праздника!

Любимая игрушка детства — «волшебная труба». А не заглянуть ли нам краешком глаза в калейдоскоп улыбок? Что выпадет, какой узор-орнамент нарисуеться? Юмор в коротких штанишках. Наблюдения, заметы, шутки.

Примечание: мы будем не смешные для взрослых детские фразы и слова приводить, а смешные для детей. Нам это сейчас важней!

★ ★ ★

Маленькие дети смеются над:

- нелепыми движениями;
- разрушением чего-либо;
- незнанием правил;
- падениями;
- внешним видом друг друга;
- странными, неожиданными звуками;
- перемазавшимся, испачкавшимся;
- обидчиком, если его наказали;
- неумением делать что-либо;
- над оговорками;

- летящими осенними листьями;
- над журчащими весенними ручьями;
- взрослыми, когда те рожицы строят, фокусы-покусы показывают;
- «смешными словами» и оборотами речи («а хо-хо ни ха-ха», «Румцайса позову», «Вахмурка и Кржемилик», «тип-топ», «кондебоберы», «стругавчики» и т.д.);
- фольклором, народными шутками-прибаутками, потешками;
- собственными страхами;
- младшими братьями и сестрёнками;
- над собою «маленькими»;
- домашними животными;
- чужестранцами;
- собственными страхами.

И ещё над тысячами тысяч причин.

★ ★ ★

Первоклассница пересказывает рассказ. Завершает эмоционально выложившись: «Эх вы, трусы». И от волнения, на последнем слоге ставит ударение.

★ ★ ★

Мальчик из села увидел павлина. Смеётся, пальцем показывает, кричит: «Смотрите, гусь с бабочкой».

★ ★ ★

«Не хотел бы, чтобы моя мама ухаживала за мной так же, как рыбки за мальками. Они, наверное, плохо себя вели, ну гупешка их и того, скушала».

★ ★ ★

— Если корова вместе с травой съест гусеницу, она что, будет давать больное молоко?

— Да, а если паука — плести паутину.

★ ★ ★

Дедушка в 1979 году привёз мне из Юрмалы диковину — летающую тарелку. Я с ней ни на секунду не расставался. Зима, отец провожает гулять. Темнота. Не видно ни сги. Стою на ступеньках подъезда. Что было мочи, запускаю тарелку ввысь. Смотрю по сторонам. Слышу свист. Удар в нос. Кровь. Поднимаюсь, хохоча. Отец открывает дверь и так удивлённо: «Кто же тебя так быстро определил?».

* * *

«А у нашей новой воспитательницы голос совершенно невоспитанный».

* * *

«Неохваченные» воспитательным воздействием ребята разжигают недалеко от забора детского сада костёр (в воскресенье дело было). К ним на всех парах несётся воспитатель: «Потушите немедленно» (можно понять, к тому же в саду окна в этот день массово мыли). Ребята оглядываются по сторонам — чем тушить. Обнаруживают рядом с клумбой аккуратно нарезанную землю. На глазах у «строгой тётеньки» переносят целую гору пластов на костёр.

Это был торф. Чёрное-чёрное облако накрывает детский сад и прозрачные «как стекло» окна становятся такими, что хоть солнечное затмение наблюдай.

* * *

Девочка 7-ми лет комментирует свои рисунки. Делает это «с огоньком», артистично:

— Эта тётя гламурная. У неё телефон, причёска, брюлики. Но внутри она хитрая и жадная. И дура. Хочет женить на себе богатого дядю. А дядя не такой. Он выбрал другую тётю. Как мою маму. Бюджетницу. Она хоть в простом пуховике и в сапогах с оптовки, зато спокойная и скромная, и я у неё помощница. Так что дядя правильно поступил, когда в мою маму влюбился.

- А откуда ты знаешь, что он влюбился (мальчик спрашивает)?
- Не видишь, что ли, как я дядю нарисовала?
- Красным цветом.
- Ну вот, а когда влюбляешься, всегда краснеешь!

Дальше все выясняли кто красный, кто в кого влюблён... Всё это пережедалось взрывами буйного хохота.

* * *

Шестилетка (работая на публику, ребята смеются) рассуждает о «самом счастливом человеке»:

- Самый счастливый человек — это одинокий, но ещё не совсем старый пенсионер, которому помогают чужие люди.
- Почему пенсионер?
- На работу не нужно ходить, пенсию большую платят, я сам слышал, так президент говорил. Лежи себе, покупай что хочешь.
- Почему одинокий?
- Ну, если у пенсионера есть родственники, дети, внуки, то он им будет половину пенсии отдавать. И переживать, когда кто-

М.В. Телегин. Заразительный, весёлый, звонкий... смех ребёнка

то заболит. Денег меньше, и волнуешься. Пенсионеры, они же старенькие, а старенькие нас любят и волнуются.

— А ты же сказал, молодой пенсионер.

— Ну да, у совсем старенького всё болит, надо лекарства покупать.

— А зачем тогда чужие люди?

— Пенсионеры к ним привыкнут и будут за них переживать. Но, не так сильно, как за родных. А ещё... Пусть мусор выносят...

Не грустите, до скорого!!!

Пора расставаться, но не будем о грустном. Быть «улыбчивым и простым — самое высшее в мире искусство». Именно так, не казаться — а быть! А дети, они такие и есть!

При работе над статьёй использованы материалы сайтов:

www.mtelegin.ru

www.p4c.ru

